

Волгарь. Н. Новгород.

1898. 25 января. № 25.

С. 1.

но «боборыкинские» антуражи, объективные подходы и тускло-туманные «намеки».

Последний прошлый роман П. Д. Боборыкина «По другому», напечатанный в книжках «Вестника Европы», довольно долго терзал кабинетной выдуманной «нудью» (слово боборыкинское) параситов и народников, был прочитан, затѣм был критически оценен и... немедленно забыт, как произведение, хотя и отивчавшее на азобу дня, но заведомо выдуманное, моговое, не имеющее никакого отношения к самой сущности затронутого вопроса. Оно не говорим несравненно меньше, чем о пресловутых чеховских «Мужиках», — и через год — много два оно будет совершенно забыто, не оставив на малѣйшаго следа в текущей, ни на минуту не останавливавшейся работѣ общественной мысли.

И это вполне понятно.

Руководить общественным мнѣніем, подчинять его себе, переносить на тѣ или другія точки можно страстнымъ, живымъ, убѣжденнымъ словомъ, а не вялымъ, объективнымъ вычерчиваніемъ вѣщности дѣйствующихъ лицъ, ихъ интимныхъ привычекъ, вкусовъ, покроя платья, гримасъ, походов и проч., не забывая выводивъ всегда болѣе или менѣе сомнительной добродѣтели и туманными сентенціями на тему о нравственности разложеніи современнаго народничества и превосходствѣ парасита.

Приступая къ обзору новаго произведенія плодовитаго автора подъ многообещающимъ заглавіемъ — «Тяга», — напечатаннаго въ январской книжкѣ «Вестн. Европы», должны съговориться, что насъ лично глубоко трогаетъ и неустанныя дѣятельность П. Д. Боборыкина, и его всегдашняя готовность подать свой голосъ по любому вопросу, и даже анти-художественная манера изображенія разныхъ «антуражей», доказывающая своей пропотливой техникой громадное кабинетное трудолюбіе собственнаго цѣлой груды напечатанныхъ и прочитанныхъ публикой томовъ.

Но при всемъ этомъ не можешь слагать хвалебныхъ дифирамбовъ и принимать на вѣру все, что говоритъ г. Боборыкинъ — или вѣрите — все, что болтаютъ выводимыя имъ дѣйствующія лица, такъ какъ имъ въ одномъ изъ послѣднихъ сугубо-тенденціозныхъ произведеній вы не встрѣчаетесь съ личнымъ мнѣніемъ автора, съ прямо выраженной мыслью, съ категорическимъ опредѣленіемъ даннаго положенія. Онъ нагромождаетъ рядъ сценъ, намѣчаетъ десятки позорады «дѣйствующихъ» лицъ, связываетъ ихъ общей бѣдой и толстой нитью, заставляетъ въ подходящихъ мѣстахъ говорить подходящія слова, а самъ въ это время спокойно сидитъ на пузисахъ, изображая до нѣкоторой степени искусственнымъ разными омытами режиссера, замислованнаго не въ самомъ ривитѣ дѣйствія, а въ своевременной нодчѣ режизжѣ, въ аккуратной перемѣнѣ декораций, въ гладкомъ сочетаніи отдѣльныхъ актовъ.

Романъ — «Тяга» затрогиваетъ, какъ нельзя

болѣе, современный потиакъ: борьбу фабрики съ не всегда благодарнымъ по своимъ вонечнымъ результатамъ земледѣльческимъ тягловъ.

Но съ первой же страницы насъ начинаютъ тошнить: неопредѣленность авторскаго настроенія, разноречивость дѣйствующихъ лицъ, тусклость отдѣльныхъ картинъ и предумышленные недомолвки въ такихъ вопросахъ, которые давно уже приобрѣли характеръ ариометическихъ формулъ: дважды-два четыре или дважды четыре — восемь.

Не менѣе удручаетъ насъ и то обычное въ романахъ г. Боборыкина обстоятельство, что онъ, рѣшивъ изобразить, сжечь, фабричный или деревенскій бытъ, выводитъ не «массу» въ томъ видѣ, въ какой привели ее отрицательныя условія существованія и нужда, а отдѣльныхъ, старательно выложенныхъ, перпендикулярно поставленныхъ и авторскимъ елеземъ связанныхъ представителей ея, которые должны говорить то-то и то-то и поступать не такъ, какъ они поступаютъ въ обывательской жизни, а какъ желаетъ авторъ, поставившій себя пѣзью косяею, намеками установить рядъ извѣстныхъ, нужныхъ въ данный моментъ и ненужныхъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ, выводовъ.

На протяжении четырнадцати уже намечатанныхъ главъ «Тяги» ваша поза арміи старательно заслоняютъ двумя центральными фигурами: большимъ удачникомъ въ фабричномъ «приспособленіи», тачень Иваномъ Спирidonовымъ, и неудачникомъ — рисовальщикомъ Меньшовымъ.

Самой фабрикой, ея темныхъ углахъ, ея повседневныхъ функцій и быта рабочей массы намъ не даютъ, какъ не даютъ и настоящей деревни, но зато даютъ въ изобиліи, граничащемъ съ излишествомъ, витѣвато-винные Монологи и діалоги между мудреющими простотами Спирidonовымъ, не прерывающимъ связи съ нормализацией — землей, и лужаннымъ коши — паразитомъ Меньшовымъ, изъ которыхъ вытекаютъ сѣдующіе, пока ничѣмъ серьезнымъ не подкрѣпленные выводы: 1, фабрика втягиваетъ все большее и большее число земледѣльцевъ тамъ, гдѣ нѣтъ достаточнаго количества земли и основательно поставленныхъ хозяйствъ; 2, она вливаетъ равноразрушающе на извѣстную часть рабочихъ и работницъ, прививая имъ дурныя привычки и вкусъ; но она же стремится къ поднятію умственнаго и нравственнаго уровня рабочей массы, для чего устриваются библіотеки-читальни, праздничныя развлеченія, школы, хорошія жилища, дневныя ясли для малолѣтнихъ дѣтей работницъ и т. п.; 3, прозябшая многія стороны фабричнаго быта и тяжесть труда, населеніе все же будетъ «тянуто» на фабрику потому, что здѣсь и заработокъ обогаченъ, и жизнь несравненно шире деревенской жизни; 4, культурные аксессуары «развлекательнаго» и «равноразрушающаго» свойства хороши, — пожалуй, необходимы, но они только палліативы, только «затычка», какъ говоритъ авторъ устами своего «парасита» изъ побывавшихъ въ школахъ и начитавшихся разныхъ книгъ мужичковъ — Меньшова, — и будутъ способствовать на-

Волгерь. Н. Новгород.

1898. 25 января. № 25

С. 1.

рождению въ нашей фабричной средѣ новаго типа, названнаго подъ названіемъ «буржуазъ», т. е. грамотныхъ, матеріально обеспеченныхъ, всегда сытыхъ хановъ.

Это первая группа авторскихъ «намековъ».

Вторая не менѣ сложна, но за то болѣе тенденціозна и въ высшей степени односторонна. Изъ длинныхъ и въ общемъ очень плоскихъ бесѣдъ Сипридовна и Меньшова читатели узнаютъ тоже самое, что они случайно узнали изъ случайно написаннаго разсказа Чехова—«Мужики»: 1) жизнь деревни вся состоитъ изъ угнетающихъ мелочей, личныхъ недостатковъ и безполезныхъ потугъ матеріальнаго и моральнаго совершенства; 2) она грязна, неопрятна, свотоподоба; 3) пьянство, подлость сельскихъ сходокъ и провозноль давно вытѣснили законность и человѣческія отношенія; 4) патріархальная чистота нравовъ уступила мѣсто разврату, гораздо худшему разврату фабричнаго; 5) безъ фабрики, т. е. безъ обеспеченнаго заработка, существованіе деревни становится невозможнымъ.

1.../

Роландъ.